

С.Н.Мещеряков (Москва, Россия)

Милош Црнянский: единство в многообразии (к 125-летию со дня рождения писателя)

Аннотация: В статье выявляется взаимодействие в произведениях сербского писателя М.Црнянского опыта экспрессионизма, романтизма и барокко с традициями буддизма. Творчество Црнянского стало воплощением единства достижений европейской и восточной цивилизаций.

Ключевые слова: Црнянский, экспрессионизм, романтизм, барокко, буддизм

S.N. Meshcheryakov (Moscow, Russia)

Miloš Crnjanski: Unity in Diversity (On the 125th Anniversary)

Abstract: The article analyses the interaction of expressionism, romanticism and baroque with traditions of Buddhism in the works of Serbian writer Miloš Crnjanski. His creativity is shown as an embodiment of the unity of European and Eastern civilizations.

Key words: Miloš Crnjanski, expressionism, romanticism, baroque, Buddhism

М. Црнянский (1893–1977) – классик сербской литературы XX в. Поэт, прозаик, драматург, эссеист, он получил признание после выхода в свет сборника стихотворений «Лирика Итаки» (1919), созданного в духе экспрессионизма и отличающегося двойственным восприятием окружающего мира.

С одной стороны, в лирике Црнянского звучит глубокое разочарование в действительности: поэт не приемлет ни современность, ни историческое прошлое. Он стремится разрушить устоявшиеся стереотипы, мифы о национальном величии, созданные в том числе и литературой романтизма.

О Балше, о Душане Сильном, пусть смолкнет молва.

Власть, воеводы и деспоты, – это стыд, –

писал поэт в стихотворении «Памяти Принципа»¹. По словам Црнянского, Марко (подразумевается легендарный Королевич Марко) «тошнит от пробуждения», а

¹ Балша II, властитель Зеты, нынешней Черногории, погиб в сражении с турками-османами в 1385 г. Душан Сильный (годы правления 1331–1355) – первый сербский царь. «Деспот» – титул, первый по рангу после царского. Здесь и далее в цитатах сохраняется пунктуация Црнянского (перевод наш. – С.М.).

Грачаницы (лучшего сербского средневекового храма) «больше нет» («Наша элегия»). И потому чуть далее утверждается:

Да будут прокляты победа и воодушевление.
Да здравствуют ненависть смерть презрение.

С другой стороны, лирика Црнянского пронизана идеями «утопического космизма» и «виталистического универсализма»¹, что было в целом присуще сербскому экспрессионизму. В условиях кризиса, вызванного первой мировой войной, поэзии необходимо было открыть новые ценности, выявить космические законы и смысл бытия. Црнянский в «Объяснении “Суматры”», своего ключевого стихотворения, вводит понятие «суматраизма» – почти мистического ощущения всеединства мира, основанного на чувстве любви. «...Я испытывал неизмеримую любовь к далеким скалам, снежным горам, протянувшимся вплоть до ледяных морей. К далеким островам, где происходит что-то, к чему мы здесь, возможно, причастны. У меня пропал страх смерти... Как в какой-то сумасшедшей галлюцинации я поднимался в безмерные утренние туманы, чтобы протянуть руку и погладить далекий Урал, моря индийские, куда перешел румянец и с моего лица», – писал Црнянский².

Двойственность восприятия действительности проявляется и при исследовании отношения писателя к опыту различных народов и цивилизаций.

С одной стороны, Црнянский наследует национальные и европейские традиции. Ему близок романтизм; по словам И. Секулич, Црнянский представлял тип «чистейшего романтика»³. По мнению самого Црнянского, романтизм был лучшей эпохой сербской литературы. Он писал о выдающихся сербских романтиках: Негоше, Змае, Костиче. По словам писателя, при этом он ожидал обвинений в том, что его «суматраизм» – это «лишь подогретый романтизм» (6, стр. 19).

Интерес Црнянского к романтизму не ограничивается национальной традицией: его привлекает творчество Флобера, «романтика в лучшем смысле этого слова», – романтика, полюболюбившего «античный мир как грандиозную картину могущества человека» (10, стр. 163, 165).

Традиции античности влекут писателя к Кьеркегору, Ибсену, Стриндбергу, в чем он сам неоднократно признается. По его словам, они обращаются к важнейшим философским вопросам и пишут для всего человечества: «...Главные темы этих писателей – вечные, античные. Отец. Мать. Мужчина и женщина. Эдип. Иокаста. Любовь и неумолимая наша судьба» (8, стр. 46).

Наконец, для Црнянского чрезвычайно важны традиции барокко, предполагающего сочетание противоположностей. В своем лучшем романе «Переселения» (1929), повествующем об участии сербского народа в войне за австрийское наследство (1740–1748), и во «Второй книге Переселений» (1962), рисующей переход десятка тысяч сербов из Австрии в Россию в середине XVIII в., писатель обращается к сочетанию интеллектуального подхода и интуиции, интеллектуального напряжения и «вкуса». «Поэтический стиль барокко складывался из двух противоборствующих элементов – фантазии и разума», – как писал А.Л. Штейн⁴.

В духе барокко во «Второй книге переселений» представлено сочетание многочисленных философских рассуждений и любовно-авантюрного сюжета, сое-

¹ *Vičković R.* Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. S. 194.

² *Црњански М.* Сабрана дела. Т. 4. Београд, 1966. С. 219–220. Здесь и далее цитируется по данному изданию, том и страница указываются в тексте статьи.

³ *Црњански М.* Сборник радова. Београд, 1972. С. 36.

⁴ *Штейн А.Л.* Литература испанского барокко. М., 1983. С. 17.

динение мистического и натуралистического начал. Так, молодой офицер Павел Исакович, главный герой «Второй книги», с одной стороны, поддерживает постоянную духовную связь с умершей женой-возлюбленной, а с другой стороны, находит для себя в России исключительно здоровую и сильную бабу.

Антиномиям барокко в известной степени близок «амбивалентный» способ изображения действительности у Црнянского. Так, «Вторая книга Переселений» начинается сказочным зачином, создающим образ идеальной страны: «Было однажды одно королевство в центре Европы, которое называлось: Венгрия. В этом королевстве текли реки, богатые рыбой, а вдоль тех рек простирались бескрайние зеленые равнины». Однако уже два следующих предложения совершенно неожиданно меняют восприятие этого мира: «Летом эти равнины превращались в жаркую пустыню, а зимой в ледяное море, покрытое снегом. Люди прислушивались, во мраке, к завыванию волков». Точно так же в конце романа сообщается, что все начинания Павла Исаковича потерпели полный крах и что он полностью разочаровался в жизни. Однако, с другой стороны, герой тут же совершенно неожиданно заявляет, что он никогда не был так счастлив, как в России.

Земная жизнь у Црнянского уподобляется сну (об этом десятки раз говорится в «Переселениях»), театру (в театральном представлении, розыгрыше, сам того не зная, участвует Павел Исакович). Земное существование в «Переселениях» – это бессмысленность, тщета, Vanitas; весь мир во власти «комедианта случая».

Следование Црнянского национальным и европейским традициям сочетается с интересом писателя к Востоку, в первую очередь, к буддизму. Это и устремленность к интуитивному познанию мира, и утверждение призрачности единичного явления (одиноким человек рассматривается как ничтожная песчинка, выброшенная на берег после шторма), и признание окружающей жизни иллюзией. Как отмечал О.О. Розенберг, «по буддийскому учению, все переживаемое в эмпирическом мире – иллюзия»¹.

Исключительно важен в «Переселениях» мотив пустоты, что согласуется с буддийским учением о пустоте как о всепорождающей основе. В конце «Переселений» офицер Вук Исакович, главный герой романа, отчим Павла Исаковича, чувствует свое слияние с Пустотой и ощущает единство со всей Вселенной, а его «эго» растворяется в мире. Это момент его высшего прозрения – «озарения».

При этом буддизму, как и барокко, присущи парадоксальность, противоречивость. «Пустота» и призрачность мира не отрицают его реальности и подлинности, сансара противопоставлена нирване и в то же время сливается с ней, тенденции к дуализму дополняются нейтрализацией оппозиций.

О близости буддизму свидетельствует и символическое название романа – «Переселения», хотя применительно к буддизму в целом точнее говорить о «перерождении». Можно также сказать, что само решение проблемы онтологического выбора у Црнянского связано с буддизмом.

Выбор главных героев Црнянского между бытием и небытием, как правило, склоняется в пользу последнего. Вук Исакович мечтает вместе с соотечественниками перебраться в Россию, идеальную страну, которая представляется ему огромной зеленой поляной, где он может вволю скакать на коне. Однако тут же автор отмечает, что герой вместе с другими сербами собирается перебраться в далекие края для того, чтобы ...исчезнуть с лица земли. Точно так же вся жизнь Павла Исаковича – это *бытие-к-смерти*. Вдовец, верный призраку скончавшейся

¹ Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991. С. 184.

ся жены, он не хочет думать ни о женщинах, ни о жизни. И не случайно в конце романа сообщается, что сербский «национ», переселившийся в Россию, чтобы сохранить свое имя и национальные традиции, вымирает.

Точно так же выбор в пользу смерти совершает и герой двухтомного «Романа о Лондоне» (1971) князь Репнин, образ явно автобиографический. Как и Црнянский, Репнин – эмигрант, живущий в Англии. Как и Црнянский, герой постоянно борется за жизнь, но при этом постепенно склоняется к идее самоубийства. В конце произведения Репнин отправляет свою жену в Америку, на Запад, т. е. в символическое царство смерти, а сам впоследствии стреляется. Сам писатель, как известно, тоже фактически кончает свою жизнь самоубийством: он в течение нескольких дней отказывается от пищи и лежит, повернувшись лицом к стене.

Выбор смерти и пустоты, сделанный Црнянским, безусловно, противоречит русской национальной традиции с ее христианскими корнями. С.Г. Семенова в статье «*Odium fati* как духовная позиция в русской религиозной философии» утверждает ценность присущей Н.Ф. Федорову и В.С. Соловьеву идеи преодоления смерти, идеи онтологического восхождения человека, идеи победы над временем¹. Л.В. Карасев, размышляя о противостоянии вещества и пустоты у А.П. Платонова, видит в подобном случае противостояние жизни и смерти, существования и несуществования². И, конечно, по словам Карасева, Платонов выбирает жизнь и бытие.

Онтологический выбор Црнянского может быть объяснен близостью писателя барочным традициям. Барокко присущи устремленность к Небу (у Црнянского в «Переселениях» это знаменитый «бескрайний синий круг») и в то же время демонизм (М. Ломпар не случайно проводит параллель между писателем и Мефистофелем³). А по словам С. Корача, появление «пустоты» у писателя объясняется отсутствием Бога: «Если Бога нет, весь мир – пустота»⁴. Однако представляется, что выбор Црнянским «пустоты» в качестве основополагающего понятия связан, в первую очередь, с буддизмом. Только с точки зрения буддизма можно осознать ключевые, завершающие слова «Второй книги Переселений»: «Смерти нет. Есть переселения». Характерно и название последней главы романа: «Переселения продолжаются вечно».

Подобная позиция убедительно раскрывается сквозь призму дзэн-буддизма. В концепции «саби» («патины времени») звучит жизнеутверждающая мысль о возвращении всего живого к своему истоку, «ржавчине веков», что предполагает новое рождение. Дайсэцу Тайтаро Судзуки, ученый с мировым именем, писал в труде «Основы дзэн-буддизма»: «Нет рождения и смерти, нет начала и конца – вот что такое восточный образ мышления!»⁵

Очевидно, что в творчестве Црнянского соединились различные традиции. Писатель-авангардист, устремленный в будущее, обратился к опыту античной трагедии и скандинавских литератур, творческим достижениям романтизма и барокко. И это не случайно. Известно, что экспрессионисты в 1920-е гг. уделяли серьезное внимание изучению барокко⁶. К традициям барокко постоянно обращались ро-

¹ Семенова С.Г. *Odium fati* как духовная позиция в русской религиозной философии // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 26–33.

² Карасев Л.В. Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. С. 76–77.

³ Ломпар М. Црњански и Мефистофел. Београд, 2000.

⁴ Корач С. Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. С. 191.

⁵ Буддизм. Четыре благородные истины. Москва; Харьков, 1999. С. 372.

⁶ См.: Барокко в авангарде – авангард в барокко. М., 1993.

мантики. «Схождения между барокко и романтизмом объясняются тем, что они, по определению Д.С. Лихачева, относятся к так называемым вторичным стилям. И барокко и романтизм развивали теорию самостоятельной жизни искусства», – отмечалось в статье Л.А. Софроновой и А.В. Липатова «Барокко и проблемы истории славянских литератур и искусств»¹. Однако и «в экспрессионизме изображаемое и изображенное сильно расходятся... Изображенное в его конкретности – всего лишь призыв понять то, что изображено»².

Очевидны и многочисленные совпадения концепции барокко с опытом буддизма. Е.Г. Яковлев, выявляя в основном параллели между буддизмом и модернистским искусством, также ссылается и на присущие барокко и буддизму динамизм и тяготение к метафоре³. И главное: и в барокко и в буддизме утверждаются парадоксальность, противоречивость, призрачный характер человеческой жизни.

Творчество М. Црњанского являет собой замечательный синтез авангарда и традиции, достижений Востока и Запада и подтверждает единство мировой цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Барокко в авангарде – авангард в барокко. М., 1993. 56 с.
- Барокко в славянских культурах. М., 1982. 350 с.
- Буддизм. Четыре благородные истины. Москва; Харьков, 1999. 992 с.
- Карасев Л.В.* Онтологический взгляд на русскую литературу. М., 1995. 102 с.
- Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. 317 с.
- Розенберг О.О.* Труды по буддизму. М., 1991. 294 с.
- Штейн А.Л.* Литература испанского барокко. М., 1983. 69 с.
- Энциклопедия экспрессионизма. М., 2003. 430 с.
- Кораћ С.* Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд, 1982. 605 с.
- Ломпар М.* Црњански и Мефистофел: о скривеној фигури «Романа о Лондону». Београд: Филип Вишњић, 2000. 174 с.
- Црњански М.* Зборник радова. Београд, 1972. 429 с.
- Црњански М.* Сабрана дела: У 10 запремина. Београд, 1966.
- Вићковић Р.* Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo, 1979. 419 s.

REFERENCES

- Baroque in Avant-garde – Avant-garde in Baroque. Moscow. 1993. 56 p.
- Baroque in Slavic Cultures. Moscow. 1982. 350 p.
- Buddhism. Four Noble Truths. Moscow; Kharkov. 1999. 992 p.
- Karasev L.V. (1995) Ontological View on Russian Literature. Moscow. 102 p.
- The Concept of Fate in the Context of Different Cultures. Moscow. 1994. 317 p.
- Rozenberg O.O. (1991) The Works on Buddhism. Moscow. 294 p.
- Shteyn A.L. (1983) Spanish Baroque Literature. Moscow. 69 p.

¹ Барокко в славянских культурах. М., 1982. С.11

² Энциклопедия экспрессионизма. М., 2003. С.8

³ Яковлев Е.Г. Искусство и мировые религии. М., 1985. С. 154. 167

- Encyclopedia of Expressionism. Moscow. 2003. 430 p.
- Кораћ С. (1982) Српски роман између два рата. 1918–1941. Београд. 605 с.
- Ломпар М. (2000) Црњански и Мефистофел: о скривеној фигури “Романа о Лондону”. Београд. Филип Вишњић. 174 с.
- Црњански М. (1972) Зборник радова. Београд. 429 с.
- Црњански М. Сабрана дела: У 10 књ. Београд, 1966.
- Vučković R. (1979) Poetika hrvatskog i srpskog ekspresionizma. Sarajevo. 419 s.

Сведения об авторе:

Сергей Николаевич Мещеряков,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Sergey N. Meshcheryakov,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University

pionerskaya@bk.ru